

перед союзниками, военный и экономический потенциал Китая, его закрытость требовали к себе внимания со стороны США.

Список использованных источников

1. Лоханин, А. М. США и КНР после холодной войны: эра Клинтона / А. М. Лоханин. – Ярославль: Изд-во ООО «Торговая фирма «Норд», 2009. – 231 с.
2. Goldwater-Nichols Department Of Defense Reorganization Act of 1986 [Electronic resource]. – Mode of access: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf. – Date of access: 10.12.2019.
3. A National Security Strategy Of Engagement And Enlargement, July 1994 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf?ver=2014-06-25-121219-500>. – Date of access: 10.12.2019.
4. A National Security Strategy Of Engagement And Enlargement, February 1995 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1995.pdf?ver=2014-06-25-121226-437>. – Date of access: 10.12.2019.
5. A National Security Strategy Of Engagement And Enlargement, February 1996 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1996.pdf?ver=2014-06-25-121234-233>. – Date of access: 10.12.2019.
6. A National Security Strategy for a New Century, May 1997 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1997.pdf?ver=2014-06-25-121242-623>. – Date of access: 10.12.2019.
7. A National Security Strategy for a New Century, October 1998 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1998.pdf?ver=2014-06-25-121250-857>. – Date of access: 10.12.2019.
8. A National Security Strategy for a New Century, December 1999 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1999.pdf?ver=2014-06-25-121300-170>. – Date of access: 10.12.2019.
9. A National Security Strategy for a Global Age, December 2000 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf?ver=2014-06-25-121312-560>. – Date of access: 10.12.2019.

(Дата подачи: 18.02.2020 г.)

Н. Г. Болтрушевич

Витебский государственный медицинский университет, Витебск

N. G. Boltrushevich

Vitebsk State Medical University, Vitebsk

УДК 94(476) «1954/1958»:364.682:394-055.2

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1954–1958 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ БССР)

POLICY OF THE SOVIET STATE REGARDING THE ORTHODOX CHURCH IN 1954–1958 (BY THE MATERIALS OF THE BSSR)

Данная статья посвящена изучению особенностей взаимоотношений советского государства и православной церкви в период с 1954 по 1958 гг. Анализируются причи-

ны изменения государственно-церковной политики в обозначенные годы. Выделяются основные направления деятельности православного духовенства в Минско-Белорусской епархии. Сделан вывод, что структура управления общин православной церкви в БССР, основные направления деятельности православного духовенства в республике находились в полной зависимости от господствующей религиозной политики в СССР.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовенство, Минско-Белорусская епархия, Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР.

This article is devoted to the study of the relationship between the Soviet state and the Orthodox Church in the period from 1954 to 1958. The causes of changes in state-church policy in the indicated years are analyzed. The main areas of activity of the Orthodox clergy in the Minsk-Belarus diocese are highlighted. It is concluded that the management structure of the communities of the Orthodox Church in the BSSR, the main activities of the Orthodox clergy in the republic were completely dependent on the prevailing religious policy in the USSR.

Keywords: Russian Orthodox Church, clergy, Minsk-Belarus Diocese, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR.

Стратегия сотрудничества общества, государства и конфессиональных организаций характерна для большинства развитых стран. В современных условиях православная церковь занимает важное место во всех сферах общественно-политической и культурной жизни Беларуси, активно участвует в формировании гражданского общества. В области государственно-церковных отношений со стороны государства религиозные организации получают разнообразную поддержку. Одновременно государство, на основе выработанного законодательства, осуществляет контроль за деятельностью конфессий [1, с. 153]. Однако так было не всегда. Для того, чтобы продолжать диалог между государством и церковью, который сложился в Республике Беларусь, развивать толерантные отношения между всеми конфессиями, которые действуют в стране, избегать ошибок и перегибов, необходимо глубоко и досконально изучать конфессиональную историю на разных этапах ее развития.

В последние годы жизни И. Сталина во взаимоотношениях между государством и церковью сохранялся избранный в годы войны курс, который не предполагал дальнейшего расширения деятельности церкви, как предлагал Г. Карпов, председатель Совета по делам РПЦ, но и не поддерживал новой антицерковной волны. В целом в основе конфессиональной политики господствовало зависимое положение церковных структур от государственных органов власти, постоянный контроль и возможность вмешательства во внутренние дела церкви [2, с. 163]. В то же время в СССР произошла легализация деятельности религиозных организаций, духовенства и верующих.

С 1948 г. по мнению большинства исследователей, в результате политической борьбы, изменений во внешней политике СССР поступательное развитие государственно-церковных отношений в Советском Союзе было приостановлено. В специальном докладе о положении и деятельности пра-

вославных церквей в Белорусской ССР уполномоченный Совета по делам РПЦ Г. Семёнов отмечал, что за три года общее количество церквей в республике сократилось на 66, из них в 1948 г. – 12, 1949 г. – 28 и в 1950 г. – 26. Из этого количества закрытых церквей в западных областях – 20, в восточных – 46 [3, д. 27, л. 75]. По словам Г. Карпова, сокращение количества церквей явилось результатом постепенного «ослабления интереса» населения к церкви, улучшением материальных условий жизни трудящихся, укреплением положения колхозов и трудовой дисциплины в них в послевоенный период.

Сокращение количественных показателей происходило на фоне увеличения религиозности среди населения, и, в первую очередь, в городах. Так, на «Пасху» в г. Молодечно с 18.00 до 24.00 19 апреля 1952 г. церковь посетило около 1000 чел., из них в освящении пасхи участвовало: 100 детей школьного возраста до 10 лет, или 10 %; парни и девушки от 10 до 20 лет – 200 чел., или 20 %; мужчины и женщины от 20 до 40 лет – 150 чел., или 15 %; мужчины и женщины свыше 40 лет – 300 чел., или 30 %; мужчины и женщины свыше 60 лет – 250 чел., или 25 %. Количество верующих, присутствующих на богослужении, по сравнению с 1951 г., уменьшилось на 200 человек [4, д. 35, л. 167]. На Вербное воскресенье 13 апреля 1952 г. Пинский кафедральный собор посетило 1600 чел. В этот же день в Варваренской церкви, где службу осуществлял Паисий, присутствовало 900 прихожан [4, д. 35, л. 241].

Таким образом, в послевоенный период в отношении церкви государство, с одной стороны, признавало важность ее в жизни миллионов советских граждан, были установлены личные контакты с церковными иерархами, произошла легализация деятельности церквей и верующих; с другой стороны, по отношению к церкви как общественному институту и к религии применялись установки партии, господствовавшие в 1930-х гг., которые рассматривали их как «ложное, нематериалистическое мировоззрение, с которым нужно вести идейную борьбу» [5, с. 359]. Определенным гарантом в сохранении данного государственно-церковного курса до самой своей смерти выступал Сталин.

После смерти Сталина возглавлявшие союзное правительство Г. Маленков (1953–1955 гг.) и Н. Булганин (1955–1958 гг.) по существу не вникали в государственно-церковные отношения, хотя и есть некоторые свидетельства об их встречах с представителями религиозных организаций. В первую очередь это объясняется тем, что, и в государственном, и в партийном аппаратах происходила переориентация в отношении к религиозному вопросу. Если для Сталина и Молотова в церковной политике не требовалось санкций партийных органов, то с 1954 г. вопросы церковной политики постепенно перемещаются в сферу партийного влияния и увязываются с целями и задачами «антирелигиозной работы» [6, с. 115]. Если

в 1920–1930-е гг. церковь рассматривалась как «классовый враг» и борьба с ней являлась частью борьбы за социализм, то в 1950-е гг. религия как реакционное, «идеологически чуждое» социализму явление рассматривалась в качестве главного врага научного мировоззрения, а верующих зачисляли в разряд сознательных или бессознательных носителей чужих взглядов и обычаев [7, с. 263–264].

М. И. Одинцов выделяет два подхода к проблемам религии и церкви в данный период. В соответствии с первым происходит фактически возврат партийной и государственной деятельности к взглядам и практикам 1930-х гг., что находит отражение в постановлении ЦК КПСС от 7.07.1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению». Сторонники второго подхода осуждали всяческое администрирование в отношении верующих и религиозных организаций, выступали за разъединение партийной и государственной линий в вопросах религии. Эти взгляды нашли свое отражение в постановлении ЦК КПСС от 10.11.1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [6, с. 115].

После выхода постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения, 7 июля 1954 г., начинается открытая критика той линии государственно-церковной политики, избранной в отношении с Русской православной церкви в годы войны [8, с. 502–506]. В передовой статье «Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду», опубликованной в газете «Правда» от 24 июля 1954 г. говорилось, что религиозные предрассудки – одни из «наиболее живучих и вредных пережитков капитализма в сознании людей... Эти предрассудки, отравляющие сознание части наших людей, мешают им активно участвовать в строительстве коммунизма... Серьезные недостатки в постановке научно-атеистической пропаганды являются следствием того, что некоторые партийные организации... примиренчески относятся к распространению различного рода предрассудков и суеверий, которые духовно калечат и понижают советских людей». В то же время отмечалось, что «научно-атеистическая пропаганда должна быть развернута так, чтобы не оскорблять чувств верующих, а воздействовать на них примером, убеждением, распространением научных знаний» [9].

Уже 28 июля 1954 г. на заседании Бюро ЦК КП Беларуси был рассмотрен вопрос «О состоянии и мерах улучшения научно-атеистической пропаганды в Республике». Было указано, что в результате «плохого осуществления руководством партийными организациями научно-атеистической пропаганды среди населения, служители церкви активизировали деятельность церкви, особенно в Молодеченской, Брестской и Гродненской областях, увеличилось количество граждан, которые соблюдают религиозные праздники, отправляют различные религиозные обряды, возросло количество людей,

посещающих церкви. В ряде районов БССР проводится сбор подписей верующих под заявлениями об открытии церквей и молитвенных домов, в населенных пунктах устанавливаются кресты, торжественно отмечаются многочисленные религиозные праздники. Празднование религиозных праздников, распространение религиозных предрассудков и суеверий отравляют сознание части людей, подрывают трудовую дисциплину, отвлекают значительное количество населения от работы, чем наносится серьезный ущерб народному хозяйству» [10, д. 886, л. 12]. На заседании Бюро ЦК КП Беларуси 3 сентября 1954 г. был рассмотрен вопрос «Об утверждении мероприятий по усилению научно-атеистической пропаганды в Республике», повседневной контроль за выполнением которых возлагался на отдел пропаганды и агитации, отдел науки и культуры ЦК КПБ [11, д. 902, л. 16]. Как в центральных, так и в местных газетах началась широкая антирелигиозная кампания.

После принятия данных документов местные органы власти находили разные методы и формы «борьбы с религией и верующими». Так, финансовые органы Брестской области «развернули антирелигиозную борьбу» по линии налогов, вплоть до расторжения типового договора и закрытия Кобринским райфинотделом церкви в д. Череватицы. Певчая церковного хора Таиса Ш., ткачиха Витебского коврово-плюшевого комбината, была уволена с работы.

Подобные сигналы, многочисленные жалобы верующих духовенством Русской православной церковью было воспринято с большой тревогой. Так, священник церкви в г. Орша Томашевич высказался по поводу усиления антирелигиозной пропаганды после 24 июля 1954 г.: «Почему за последнее время стали нападать на церковь и духовенство, тогда как этого не было за все время после войны. Церковь в период 1941–1945 гг. проводила большую работу по сбору средств Советской Армии для скорейшего разгрома немецких захватчиков». Священник Николаевской церкви г. Бреста Рункевич В. заявил: «Нельзя ли примирить науку с религией и жить не во вражде, а в дружбе?» [12, д. 52, л. 26]. Данное ужесточение в области государственно-церковной политики, критика избранного послевоенного курса в отношении церкви, проявление администрирования по отношению к духовенству и верующим, с одной стороны вызвало недовольство среди населения, а с другой стороны дало возможность духовенству активизировать свою деятельность, найти поддержку у общества, что проявилось в увеличении притока прихожан в храмы, служб в церквях и требоисполнений.

К лету 1954 г. наступление на церковь достигло своего пика – закрывались церкви, разгонялись и преследовались молящиеся в храмах. Данная открытая конфронтация вызвала сильнейшую негативную реакцию не только духовенства и верующих, но и общества в целом, в том числе и политических лидеров, которые участвовали в сталинской политике интегрирования

церкви в структуру государственной власти [13, с. 350–351]. Уже в сентябре 1954 г. по поручению Н. Хрущёва началась подготовка постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Постановление ЦК КПСС, принятое 10 ноября 1954 г., внесло в определенной степени ясность для местных работников и уполномоченных Совета по делам РПЦ в отношении с религиозными организациями и духовенством, «осудило произвол, наклеивание ярлыков, оскорбление верующих».

Духовенство восприняло постановление как «акт нормализации отношений между государством и церковью, которые, резко изменившись, снова вернулись в то же русло, в каком развивались последнее десятилетие» [2, с. 386]. Архиепископ Питирим в беседе с уполномоченным Совета по БССР Г. Семёновым отмечал, что «духовенство приняло постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», опубликованное в газете «Правда» 11 ноября 1954 г., очень одобрительно, постановление читали в епархиальном управлении вслух и все радовались». Питирим заявил: «Слава Богу! Теперь нас оградили от незаслуженных оскорблений. А что касается пропаганды научных знаний, то это и раньше проводилось. Против этого ни верующие, ни духовенство возражать не будут» [12, д. 52, л. 24]. Настоятель Минского собора протоиерей Богаткевич отмечал: «Это хорошее постановление. Теперь я чувствую себя равноправным гражданином нашей Родины. Вот раньше к нам относились лучше: меня наградили медалью за участие в партизанском движении. А в последнее время на нас стали смотреть искоса, подозрительно». Гомельский благочинный Кротт подчеркивал: «Теперь порядок будет наведен. Это постановление показывает всем организациям, как надо относиться к церкви и верующим» [12, д. 52, л. 34].

Поворот руководства страны в отношении религиозных организаций снял напряжение в обществе, сократилось количество жалоб и заявлений от верующих, и духовенства, поступающих в Совет по делам РПЦ, правительство.

На заседании Бюро ЦК КП Беларуси 12 ноября 1954 г. был рассмотрен вопрос «О мерах проведения в жизнь постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», и дано поручение отделу пропаганды и агитации ЦК КПБ о разработке проекта постановления в течение трех дней [14, д. 924, л. 4].

17 ноября 1954 г. данный проект был рассмотрен и одобрен на заседании Бюро ЦК КП Беларуси. При рассмотрении данного вопроса было отмечено, что «ЦК КПСС совершенно правильно и своевременно вскрыл серьезные ошибки и недостатки в проведении научно-атеистической пропаганды, а указанные в постановлении ошибки были допущены и в БССР. Так, в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков, в отдельных ре-

спубликанских, областных и районных газетах (“Чырвоная змена”, “Сталинская молодежь”, “Гомельская правда”, “Заря” (Волковыск)) допускались оскорбительные выпады против верующих и служителей культа. Имелись случаи, когда в устных выступлениях пропагандистов и на страницах печати некоторые служители культов и верующие без всякого на то основания изображались людьми, не заслуживающими политического доверия. В Кобринском районе Брестской области, Радашковичском районе Молодеченской области были допущены случаи административного вмешательства в деятельность религиозных групп и объединений, а также факты грубого отношения к служителям культа». В принятом Бюро ЦК КП Беларуси постановлении подчеркивалось, что «партийные организации должны усилить идеологическую борьбу против религии, обеспечить освобождение верующих от влияния религиозных предрассудков, не допуская при этом оскорбления чувств верующих и служителей культа» [15, д. 926, л. 4–5].

В чем причины появления двух, на первый взгляд противоречивых постановлений в 1954 г.? Во-первых, после смерти Сталина в политической ситуации сложилась неопределенность, связанная с перераспределением функций и руководящих постов в самой властной системе. Политбюро было преобразовано в Президиум ЦК. В ЦК партии сложилось мнение, что отношения между государством и церковью, утвержденные в годы войны, требуют пересмотра. После ареста Берии, 26 июня 1953 г., уже на сентябрьском пленуме 1953 г. была учреждена должность первого секретаря ЦК, на которую назначили Н. Хрущёва, что свидетельствовало о дальнейшем усилении руководящей роли партии [2, с. 371–373].

Во-вторых, личность самого Н. Хрущёва, становление которого как партийного работника проходило во время «наступления социализма по всему фронту, в том числе и борьба с “церковными мракобесами”, “врагами в рясах”» [5, с. 361]. По словам В. А. Алексеева «Хрущёва называли “последним романтиком”, который горячо и искренне верил в конечную цель своей жизни и деятельности, усилий всего советского народа – скором построение коммунизма, в котором не должно быть места для религиозных представлений. Н. Хрущёв еще при жизни Сталина “начал склоняться к мысли, что высокая религиозность советских людей не имеет корней в социалистической реальности, а является результатом слабой антирелигиозной пропаганды, пассивности партии в этом вопросе, излишнего попустительства религиозным организациям”» [5, с. 362].

В-третьих, появление двух постановлений демонстрировало поиск новой доктрины и пересмотр сложившихся в послевоенный период взаимоотношений между государством и церковью. В целом данные взаимоотношения, состояние системы атеистической работы новым партийным руководством подвергались критике. А принятое постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. было призвано не исправлять ошибки, допущенные

в системе государственно-церковных отношений, а предполагало возврат к практикам 1930-х гг. В то же время, применение данных подходов уже не соответствовало реалиям времени: в советском обществе после XX съезда обозначились определенные элементы демократизации, начался процесс реабилитации, с 1940-х гг. религиозные организации и верующие ощутили пусть и не в полном объеме, но в определенной степени значительное укрепление своих позиций.

В Беларуси к концу 1952 г. функционировали три православные епархии, а следовательно три архиерея (Минск, Гродно, Пинск). В 1953 г. произошло объединение трех епархий в одну – Минско-Белорусскую, во главе с 1 архиереем – архиепископом Минским и Белорусским Питиримом [16, д. 37, л. 55–56]. В БССР на 1 января 1953 г. действовало 976 православных церквей и молитвенных домов, в управлении которыми принимало участие: архиереев – 1, священников – 728, диаконов – 62 [18, д. 33, л. 186, 189].

Архиепископ Питирим (Свиридов Пётр Петрович) возглавлял Минско-Белорусскую епархию более 12 лет, с января 1947 г. по апрель 1959 г. Из докладной записки уполномоченного по делам РПЦ по БССР Г. Семёнова «О деятельности православного духовенства в БССР за 1955 г.» следует, что «Архиепископ Питирим к проводимым мероприятиям советской власти относится лояльно. К политическим вопросам проявляет интерес, выписывает и читает центральные и местные газеты и журналы, имеет радиоприемник и телевизор. Неоднократно участвовал в работах пленумов Белорусского республиканского комитета в защиту мира, где выступал с докладами. За последние два года чаще стал выезжать за границу. Добился от Патриархии выделения средств (1,5 млн руб.) на строительство общежития для семинарии Жировичского монастыря. Среди верующих и духовенства пользуется авторитетом, слывет добрым и отзывчивым. В быту скромнен. Имеет машину ЗИМ» [17, д. 3, л. 214].

В 1953 г. Преосвященный Архиепископ Минско-Белорусский Питирим обратился с ходатайством перед Синодом об учреждении в Минской епархии викариатства и представлению на эту должность ректора Минской духовной семинарии Архимандрита Митрофана. В православных церквях викариатство – это церковно-административная единица, входящая в состав епархии, во главе с викарием – епископом, не являющимся правящим архиереем, но находящимся в его юрисдикции. Поместный Собор РПЦ в 1918 г., согласно «Определения о викарных епископах», определил, что в ведение викарных епископов выделялась часть епархии и устанавливалась для них местопребывание в городах, по которым они титуловались.

Согласно п. 10 выписки из журнала № 7 заседания Синода от 4 июня 1953 г. Архимандрит Митрофан был назначен епископом Бобруйским, викарием Минской епархии, с тем, чтобы наречение и хиротония его в епископский сан были произведены в г. Минске Преосвященным Минским [16,

д. 37, л. 68]. Данное решение свидетельствовало о расширении и усложнении структуры православных общин в Беларуси в 1950-е гг.

В 1954 г. Питирим и епископ Митрофан активизировали свою религиозную деятельность, что проявилось в увеличении общего количества архиерейских служб в Минском соборе и в архиерейской церкви (12 и 21 июля, 19 августа, 11 и 21 сентября, 7 ноября); в расширении выездов по епархии. Так, Архиепископ Питирим 19 августа был в Пинске, 14 октября – в Молодечно, 4 ноября – в Гродно, 5 декабря – в Жировичском монастыре, 19 декабря – в Горках Могилевской области. Епископ Митрофан посетил церкви Гродненской, Брестской областей, Барановичей и Бобруйска, Жировичский монастырь [12, д. 52, л. 24]. В 1956 г. епископ Митрофан убыл в Орловскую область [17, д. 3, л. 6].

Почти по всем районам Беларуси в православных приходах произошел подъем проповедничества, в ряды духовенства вливались молодые священники, которые были способны оживить обстановку в приходах. По словам уполномоченного Совета по делам РПЦ по Могилевской области «духовенство всеми мерами стремится усилить влияние церкви на население» [2, с. 402]. Церкви ремонтировались, электрифицировались и украшались как снаружи так и внутри, производился ремонт тех церквей, которые с довоенных времен не ремонтировались и находились в запущенном состоянии (Телешевская и Старобелицкая церкви, Уваровичского района Гомельской области); для нужд притча строили жилые дома; на базарах (г. Гродно, Скидельский базар) открыта продавали иконы [17, д. 3, л. 27].

Для улучшения бытовых условий и поддержке духовенства по инициативе и при личном участии Питирима в 1954 г. были подключены к теплоцентрали кафедры Собора и одной церкви г. Минска. В этом же году Минское епархиальное управление купило в Друскининкае (Литовская ССР) деревянный дом-дачу за 50 тыс. рублей. По замыслу Питирима, в данное курортное место планировалось отправлять из Минской епархии священников и членов их семей, нуждающихся, по состоянию здоровья, в отдыхе и лечении [12, д. 52, л. 24].

Архиепископ Минско-Белорусский Питирим принимал меры к повышению образования духовенства. Только на заочном секторе Ленинградской духовной семинарии и академии обучалось от Белорусской епархии 40 священников и 6 диаконов. В 1955 г. от епархии на учебу в Ленинградскую духовную академию были направлены 4 священника [17, д. 3, л. 6].

Процесс частичной реабилитации жертв сталинских репрессий приводил к освобождению клириков. Кадровый состав церкви пополнился людьми, которые не только с честью прошли выпавшие на их долю испытания, но и являлись пламенными сторонниками активизации деятельности духовенства, нацеленной на усиление влияния церкви в советском обществе [2, с. 405].

В сентябре 1954 г. и январе 1955 г. происходило возвращение из лагерей духовенства, осужденного в 1948/1949 гг. по 726 и другим статьям УК БССР сроком на 25 лет. В это время возвратились 3 священника Брестской области. Верующие и руководство Минской епархии данное явление объясняли «выходом постановления от 10.11.1954 г. и последним приемом у председателя Совета Министров Г. М. Маленкова Патриарха Алексия» [12, д. 52, л. 85]. Всего за 1954–1955 гг. в БССР прибыло из мест заключения после отбытия наказания 14 человек духовенства, из них до момента ареста служили: священниками – 11 человек, диаконами – 1 и монашескими – 2. На 1956 г. эти священники находились на приходах в областях: Гомельской – 4, Брестской – 4, Гродненской – 5 и Могилевской – 1; исполняли обязанности священника – 11, диакона – 1 и монахами Жировичского монастыря – 2. В соответствии с указанием уполномоченного Совета по БССР уполномоченным по областям «надлежало тщательно изучать их деятельность и представлять Совету подробную информацию» [17, д. 3, л. 7].

Вместе с тем, годы активной борьбы с религией и церковью имели существенные результаты. Уполномоченный по Молодечненской области отмечал, что «в 7 действующих церквях (а всего в области на 1.01.1956 – 187 церквей) слабая посещаемость и низкая доходность, на протяжении нескольких лет нет постоянных священников. Такое положение и в Брестской области: если до 1950 г. таких общин и церквей было только 2, то в 1955 г. – 26 и это при том, что в данной области на 1.01.1956 г. действовало 337 церкви, а данный регион традиционно характеризовался высоким уровнем религиозности населения [17 д. 3, л. 24].

В 1958 г. были приняты документы, свидетельствующие об изменении курса религиозной политики. 4 октября 1958 г. было принято секретное постановление от «О докладной записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»». В этом же году был принят ряд постановлений, ограничивающих деятельность религиозных организаций. В частности, Совет Министров СССР 16 октября 1958 г. принял постановление № 1159 «О монастырях в СССР», а также постановление СМ СССР «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей» [2, с. 424].

Обозначенная цель ликвидации послевоенной системы отношений между государством и церковью, которая не была достигнута в 1954 г., была достигнута ЦК под руководством нового советского государственного и партийного руководства. Начался новый этап в государственно-церковных отношениях, связанный с очередным наступлением на религию. Для уменьшения на людей религиозного влияния был вновь избран способ радикальных изменений в политике советской власти в отношении церкви, предусматривающий жесткую конфронтацию и, в первую очередь, в отношении Русской православной церкви.

На совещаниях уполномоченных Советов все то положительное, что было достигнуто в государственно-церковных отношениях, начиная с 1943 г., объявлялось «деформацией церковной политики» социалистического государства, «неправильной политической и тактической линией», приведшей к укреплению религии и церкви. Весь прежний курс в «религиозном вопросе» обличался как проявление «сталинизма». Тем самым общество отбрасывалось к авторитарным традициям 1930-х гг, а религиозные организации лишались возможности воспользоваться даже элементарными, общепринятыми нормами свободы совести [6, с. 119].

Таким образом, в период с 1954 по 1958 г. происходил пересмотр сложившихся в послевоенный период взаимоотношений между государством и церковью, что нашло отражение в двух постановлениях 1954 г. Новое партийное руководство во главе с Н. Хрущёвым в целом данные взаимоотношения, состояние системы атеистической работы подвергало критике, что предопределило новую волну антирелигиозных репрессий. В то же время применение данных подходов уже не соответствовало реалиям времени: в советском обществе после XX съезда обозначились определенные элементы демократизации, начался процесс реабилитации, с 1940-х гг. религиозные организации и верующие ощутили пусть и не в полном объеме, но в определенной степени значительное укрепление своих позиций.

В период с 1954 по 1958 г. происходило оживление церковной жизни. В Беларуси путем сокращения епархий сложилась структура управления общин православной церкви – единая Минско-Белорусская епархия во главе с 1 архиереем – архиепископом Минским и Белорусским Питиримом. Православные общины пополнились новым молодым поколением как со стороны духовенства, так и со стороны паствы. В этот период правящие архиереи активно включились в обновление и расширение деятельности: церкви ремонтировались, расширялись связи между общинами, увеличились выступления с проповедями и общее количество богослужений, что доказывало жизнестойкость православной церкви в советских реалиях. Количество действующих в республике православных церквей с 1954 по 1958 г. сократилось с 976 до 967 (на 1.01.1958 г.)

Список использованных источников

1. *Котляров, И. В.* Республика Беларусь в конфессиональном измерении / И. В. Котляров, Л. Е. Земляков; Минский ин-т управления. – Минск: Изд-во МИУ, 2004. – 231 с.
2. *Роккуччи, А.* Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / А. Роккуччи; пер. с итал. О. Р. Щелоковой. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с. – (История сталинизма).
3. Циркулярно-инструктивные письма и протоколы заседаний Совета по делам РПЦ // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 27.
4. Переписка с уполномоченным Совета по областям (докладные записки, информация о работе уполномоченных и деятельности Русской православной церкви в республике // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 33.

5. Алексеев, В. А. Иллюзии и догмы / В. А. Алексеев. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
6. Одинцов, М. И. Государство и церковь в России: XX век / М. И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 171 с.
7. Канфесіі на Беларусі (к. 18–20 ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; пад навук. рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск: ВП Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК(1899-1986). – 8-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 6.
9. Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду. Передовая статья // Правда № 205(13138), 24 июля 1954 г.
10. Протокол заседания Бюро ЦК КП Белоруссии № 29 от 28.07.1954 // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 81. – Д. 886.
11. Протокол заседания Бюро ЦК КП Белоруссии № 37 от 03.09.1954 // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 81. – Д. 902.
12. Отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по областям БССР за 2-е полугодие // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 52.
13. Шкваровский, М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М. В. Шкваровский. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2005. – 400 с.
14. Протокол заседания Бюро ЦК КП Белоруссии № 48 от 12.11.1954 // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4 п. – Оп. 81. – Д. 924; Оп. 81. – Д. 926. – С. 4–5.
15. Протокол заседания Бюро ЦК КП Белоруссии № 49 от 17.11.1954 // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4 п. – Оп. 81. – Д. 926.
16. Постановления местных органов государственной власти и партийных органов, относящихся к деятельности уполномоченных Совета и переписка с Советом по делам Русской православной церкви, протоколы заседаний Совета // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 37.
17. Доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по республике и областям и замечания к ним. Т. 1. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 4. – Д. 3.
18. Отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по БССР и уполномоченных по областям за 3 и 4 кв. о деятельности РПЦ в Белоруссии // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 33.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)